

В. В. Седов

К ПРОИСХОЖДЕНИЮ БЕЛОРУСОВ

(ПРОБЛЕМА БАЛТСКОГО СУБСТРАТА
В ЭТНОГЕНЕЗЕ БЕЛОРУСОВ)

Общность происхождения русского, украинского и белорусского народов и их языковая близость не подлежат сомнению. Бесспорно, что русские, украинцы и белорусы и их языки сформировались на основе древнерусской народности. Общее происхождение трех восточнославянских народностей отчетливо выявляется по языковым данным¹. Этот тезис достаточно аргументирован археологическими² и этнографическими материалами³. Основным вопросом в изучении проблемы формирования белорусов является выяснение и анализ тех причин, которые вызвали обособленное языковое и этнографическое развитие верхнеднепровско-двинско-неманской части древнерусской народности. Конечным результатом этого процесса и явилось образование белорусской народности с самостоятельным восточнославянским языком.

В работах историков конца XIX в. получило распространение мнение, согласно которому основной причиной, нарушившей этническое и языковое единство древнерусской народности и приведшей к образованию белорусской народности, было включение западной части древнерусских земель в состав Литовского государства. Под влиянием этого мнения оказался и Е. Ф. Карский, который впервые попытался разобраться в процессе формирования и генезиса белорусов⁴. Этот крупнейший белорусовед на основе обстоятельного анализа комплекса языковых данных показал, что сложение белорусской этнической общности относится к XIII—XIV вв., а ее окончательное оформление произошло несколько позже. Е. Ф. Карский полагал, что белорусская народность сложилась в результате скрещивания различных восточнославянских племен — дреговичей, радимичей, полочан, кривичей и частично неславянских племен — ятвягов и голяди. Сближение этих племен, по его мнению, усилилось в период феодальной раздробленности, а окончательное сплочение в единую народность обусловлено распространением литовского владычества в XIII—XIV вв.

По-иному представлял себе образование белорусского языка и народности А. А. Шахматов⁵. Не отрицая восточнославянского единства

¹ Е. Ф. Карский, *Белорусы*, т. I, Варшава, 1903, стр. 82—109; Т. П. Ломтев, *Белорусский язык*, М., 1951, стр. 11; С. Б. Бернштейн, *Очерк сравнительной грамматики славянских языков*, М., 1961, стр. 40, 41.

² Общность восточнославянской культуры XI—XII вв. очевидна по древнерусским курганным материалам и по раскопкам древнерусских городов.

³ С. А. Токарев, *О культурной общности восточнославянских народов*, «Советская этнография», 1954, № 2, стр. 21—31.

⁴ Е. Ф. Карский, *Указ. раб.*, т. I, стр. 63—118; е го же, *Русская диалектология*, Л., 1924, стр. 81—83, 117.

⁵ А. А. Шахматов, *К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей*, «Журнал Министерства народного просвещения» (далее ЖМНП), ч. 322, 1899, стр. 324—384; е го же, *Введение в курс истории русского языка*, ч. I — Исторический процесс образования русских племен и наречий, Пг., 1916; е го же, *Древнейшие судьбы русского племени*, Пг., 1919.

этот исследователь полагал, что уже в начальном периоде прарусский (древнерусский) язык распался на три составные части: южное, северное и восточное наречия. Южное наречие прарусского языка, отмечал А. А. Шахматов, легло в основу украинского языка, а северная часть прарусских говоров привела к сложению северновеликорусского наречия. Основой южновеликорусского наречия стала восточная ветвь восточной части прарусского языка. Этнической основой белорусского языка была западная ветвь того же прарусского наречия, с которой смешались «ляшские» племена радимичей и вятичей. Расселением последних А. А. Шахматов объяснял присутствие в белорусском языке фонетических особенностей, однотипных с польской фонетикой (дзеканье, твердое «р», шепелявость).

Гипотеза А. А. Шахматова о происхождении белорусской народности не получила признания в историко-лингвистической литературе. Весьма слабым звеном в построении А. А. Шахматова явилось отнесение радимичей к «ляшским» племенам. Последняя догадка подверглась основательной критике и в настоящее время не находит сторонников.

В последующее время проблемой происхождения белорусов занимались исключительно историки, принявшие полностью мнение Е. Ф. Карского⁶. В. И. Пичета, правда, отметил, что «было бы ошибочным объяснять образование белорусского народа только политическим объединением Западной Руси в пределах Литовского государства... Ведь Литовское государство не было централизованным государством. Земли Полоцкая, Витебская и Смоленская пользовались достаточно широко внутренней автономией, тогда как Полесье, среднее Поднепровье, Минщина были более тесно связаны с основными литовскими землями»⁷. Вместо фактора политического, В. И. Пичета выдвинул на первый план экономические мотивы. По его мнению, изначальным моментом процесса формирования белорусской народности является установление экономических связей между отдельными областями Западной Руси.

Отсутствие достаточного конкретного материала, свидетельствующего в пользу развития экономических связей между западнорусскими землями в XIII—XV вв., делает построения В. И. Пичеты схематичными. История Великого княжества Литовского не располагает какими-либо данными, свидетельствовавшими об активном участии в оживленных экономических связях основной массы сельского населения территории Белоруссии. Ведь феодальное хозяйство было в своей основе натуральным. Лингвистические, археологические и этнографические материалы остались вне поля зрения В. И. Пичеты.

В последнее время большую работу по этногенезу белорусов проводит этнограф М. Я. Гринблат. Наиболее ценным в его исследованиях являются реконструкция белорусской этнографической территории XVI в. и периодизация этнической истории белорусов. Что касается проблемы формирования белорусов, то М. Я. Гринблат исходит из положения, согласно которому основным фактором образования белорусской народности было политическое обособление (включение в состав Литовского государства) потомков дреговичей, смоленско-полоцких кривичей и ра-

⁶ В. И. Пичета, Образование белорусского народа, «Вопросы истории», 1946, № 5—6, стр. 3—29. Статья включена в кн.: В. И. Пичета, Белоруссия и Литва XV—XVI вв., М., 1961, стр. 395—632; А. П. П'янкoў, Паходжанне беларускага народа, Мінск, 1948; Л. В. Черепнин, Исторические условия формирования русской народности до конца XV в. В кн.: «Вопросы формирования русской народности и нации», М.—Л., 1958, стр. 54—77.

⁷ В. И. Пичета, Белоруссия и Литва XV—XVI вв., стр. 619, 620.

димичей, будто бы сохранивших от племенной эпохи местные различия в языке, материальной и духовной культуре⁸.

Предположение, что языковые и этнографические признаки, свойственные белорусской народности, имелись, хотя бы в зачаточном состоянии, у восточнославянских племен, составлявших ядро белорусов, является догадкой, не имеющей под собой каких-либо оснований. Напротив, археологические материалы показывают, что дреговичи до их расселения севернее Припяти имели одинаковую культуру не с кривичами и радимичами, а с древлянами и волянянами и позднее были близки с последними⁹. Кривичи же пришли в Подвинье и Смоленщину с другой стороны и своим происхождением связаны с северо-западной («пралехитской») раннеславянской диалектной группой¹⁰. Иное происхождение и радимичей¹¹. Следовательно, дреговичи и радимичи, составившие ядро белорусской народности, не могли быть носителями языковых и этнографических особенностей, ставших позднее характерными для белорусов. Изучение племенных территорий дреговичей, кривичей и радимичей в связи с белорусскими этнографическими границами показывает, что сложение белорусской этнической территории происходило вне какой-либо зависимости от старых племенных границ (рис. 1). Очевидно, была какая-то иная сила, объединившая разнородные элементы, спаявшая их в одну народность.

Мысль о сложении этнической общности исключительно на основе политической (государственной) территории не оправдана ни с лингвистической, ни с историко-этнографической точек зрения. Невозможно себе представить, что восточнославянское население стало произносить мягкие *д* и *т* как *дз* и *ц*, звук *р* — твердым, а произношение ударных *а*, *о*, *е*, *я* начинает различаться и т. п. только потому, что оно стало подвластно литовскому князю. А ведь белорусский язык отличается от других восточнославянских языков комплексом фонетических, морфологических и синтаксических особенностей.

Сопоставление политических границ Литовского государства с этнографической границей территории белорусов также не свидетельствует в пользу того, что формирование белорусов произошло в связи с включением северо-западных земель Древней Руси в состав Литовского государства. Так, в первой половине XIV в. (до 1341 г.) восточная граница Литовского государства разрезала этнографическую территорию белорусов пополам примерно по линии Велиж — Красный — Могилев — Игумен — Слуцк — устье Уборти¹². Между тем на восток от этой линии, вне пределов Литовского государства уже в XIII в. в памятниках письменности (договорная грамота Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г.) появляются некоторые особенности, ставшие характерными для белорусских диалектов¹³. Позднее, во второй половине XIV в. и в XV в. государственная территория Литовского княжества распространилась до бассейна верхнего Дона на востоке и до Черного моря на юге. Между

⁸ М. Я. Гринблат, Некоторые результаты изучения проблемы происхождения белорусской народности, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», XXVIII, 1958, стр. 3—8; его же, Основные этапы происхождения и этнической истории белорусской народности, М., 1964.

⁹ В. В. Седов, О юго-западной группе восточнославянских племен, «Историко-археологический сборник», М., 1962, стр. 197—203.

¹⁰ В. В. Седов, Кривичи, «Сов. археология», 1960, № 1, стр. 47—62; П. Н. Третьяков, Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге, М.—Л., 1966, стр. 283.

¹¹ В. В. Седов, Из истории восточнославянского расселения, «Краткие сообщения Ин-та археологии АН СССР», 104, 1965, стр. 8—11.

¹² В. Т. Пашуто, Образование Литовского государства, М., 1959, карта 1.

¹³ Т. П. Ломтев, Указ. раб., стр. 6.

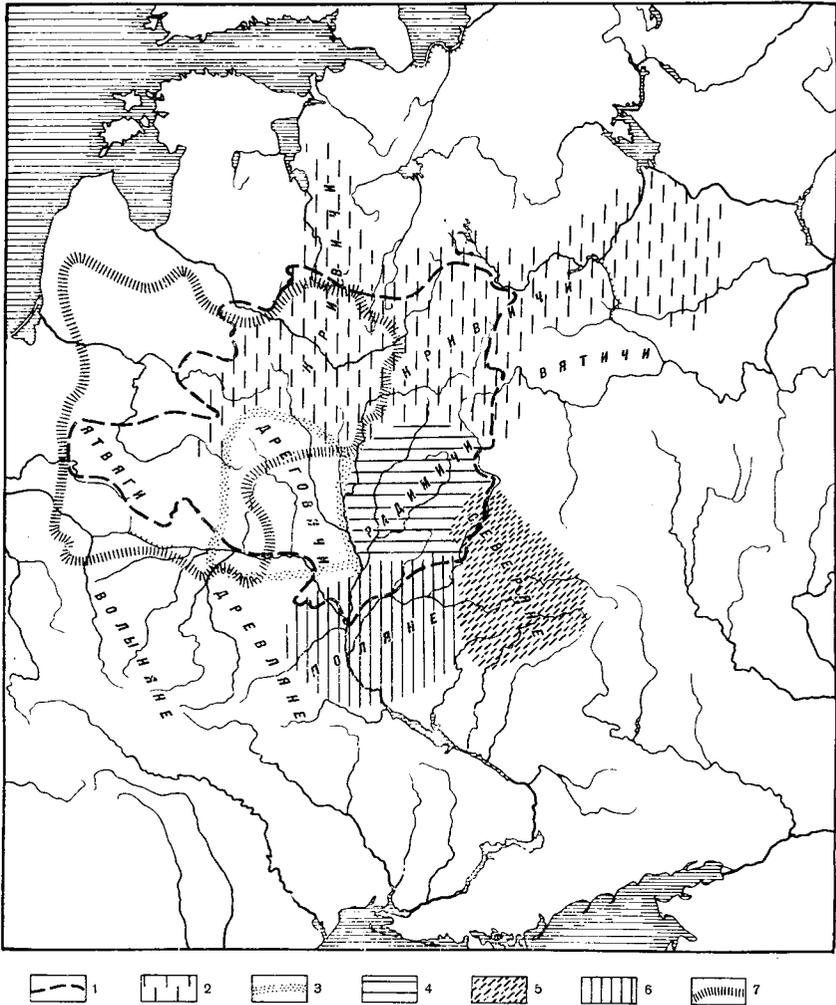

Рис. 1. Белорусская этнолингвистическая территория и археологические ареалы восточнославянских племен

1 — белорусская территория (по Е. Ф. Карскому); 2 — ареал кривичей; 3 — ареал дреговичей; 4 — ареал радимичей; 5 — ареал северян; 6 — ареал полян; 7 — граница Литовского государства (по В. Т. Пашуто) в период формирования белорусов (XIII — первая половина XIV в.)

тем этнографическая граница белорусов ограничивается на востоке по речью Десны и на юге Припятью. Очевидно, образование и формирование белорусской языковой и этнографической общности не находится в прямой зависимости от политической истории. Предпосылки сложения отдельной восточнославянской единицы — белорусов, нужно, видимо, искать глубже и прежде всего в этнической истории Верхнего Поднепровья и Белоруссии.

Дославянским населением той части Восточной Европы, где происходило формирование белорусов, были балтские племена¹⁴. Сохранение

¹⁴ Ареал формирования белорусов несколько шире современной территории Белорусской ССР. Области формирования белорусской этнографической единицы и ее языка очерчены Е. Ф. Карским (Е. Ф. Карский, К вопросу об этнографической карте

на территории Верхнего Поднепровья, Подвинья и Понеманья значительного числа водных названий балтского происхождения¹⁵ предполагает, что славяне-пришельцы не только застали здесь балтоязычное население, но какое-то время жили с ним на одной территории, постепенно смешиваясь с аборигенами. Высказываемая ранее мысль об отступлении балтского этнического элемента в северо-западном направлении в процессе славянского расселения в настоящее время не представляется приемлемой. Последствием славянского расселения была ассимиляция балтов. Об этом красноречиво свидетельствуют и значительность балтского гидронимического напластования и славянизированные фонетический облик верхнеднепровских гидронимов балтского происхождения¹⁶.

Участие балтского этнического элемента в формировании славянского населения белорусской этнографической территории находит подтверждение в археологических материалах. Наиболее ранние балтские элементы обнаруживаются в захоронениях длинных курганов смоленско-полоцкой группы кривичей¹⁷. Это — головные венки латгальского типа (вайнаги), остатки которых найдены в ряде длинных курганов Смоленского Поднепровья и Полоцкого Подвинья, шейные гривны латгальских типов, височные украшения, имеющие прототипы в балтских гривнах, и некоторые типы привесок. Бесспорной балтской особенностью являются также конские захоронения. Последние совсем не свойственны славянскому погребальному ритуалу и, наоборот, весьма специфичны для погребальной обрядности прусских и древнелитовских племен¹⁸.

Еще больше балтских элементов в славянских курганах Верхнего Поднепровья и Белоруссии, относящихся к IX—XIII вв. Они проявляются как в вещевых инвентарях (рис. 2), так и в деталях погребальной обрядности. Говоря о балтских элементах в курганных инвентарях, мы имеем в виду не импортные предметы. Прибалтийский импорт по вполне понятным причинам не может быть использован для каких-либо этнических выводов. Речь идет исключительно о местных украшениях, имеющих прототипы или аналогии в вещевых коллекциях древних литовско-латышских племен.

белорусского племени, СПб., 1902; его же, Этнографическая карта белорусского племени, Пг., 1917). Территория белорусских говоров, намеченная авторами «Опыта диалектологической карты русского языка», близка к ареалу, обрисованному Е. Ф. Карским (Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов, Д. Н. Ушаков, Опыт диалектологической карты русского языка в Европе, М., 1915). Восточные районы белорусской территории (Смоленщина и Брянщина), начиная с XVI в. испытывали сильное влияние русских говоров. Ныне эти говоры имеют бесспорную белорусскую основу, но их нельзя назвать белорусскими (П. А. Расторгуев, Говоры на территории Смоленщины, М., 1960, стр. 184). Этнографические материалы также свидетельствуют о том, что еще в XVI в. белорусы кроме современной территории БССР занимали южные районы Псковской области, Смоленщину и часть Брянщины (М. Я. Гринблат, Некоторые результаты изучения проблемы происхождения белорусской народности, стр. 7, 8).

¹⁵ А. А. Кочубинский, Территория доисторической Литвы, ЖМНП, 1897, I, стр. 60—94; K. Buga, Die Vorgeschichte der aistischen (baltischen) Stämme im Lichte der Ortsnamenforschung, «Streitberg Festgabe», Leipzig, 1924, стр. 22—35; M. Vasmer, Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. Die Ostgrenze der baltischen Stämme, Sitzungsberichte der Preußischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse, Berlin, 1932, стр. 637—666; В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев, Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья, М., 1962.

¹⁶ В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев, Указ. раб., стр. 159—173.

¹⁷ В. В. Седов, Кривичи, стр. 60, 61.

¹⁸ Р. К. Куликаускаене, Погребения с конями у древних литовцев, «Сов. археология», XVII, 1953, стр. 211—222; В. Н. Перцев, Культура и религия древних пруссов, «Ученые записки Белорусского университета», вып. 16, серия историческая, Минск, 1953, стр. 347.

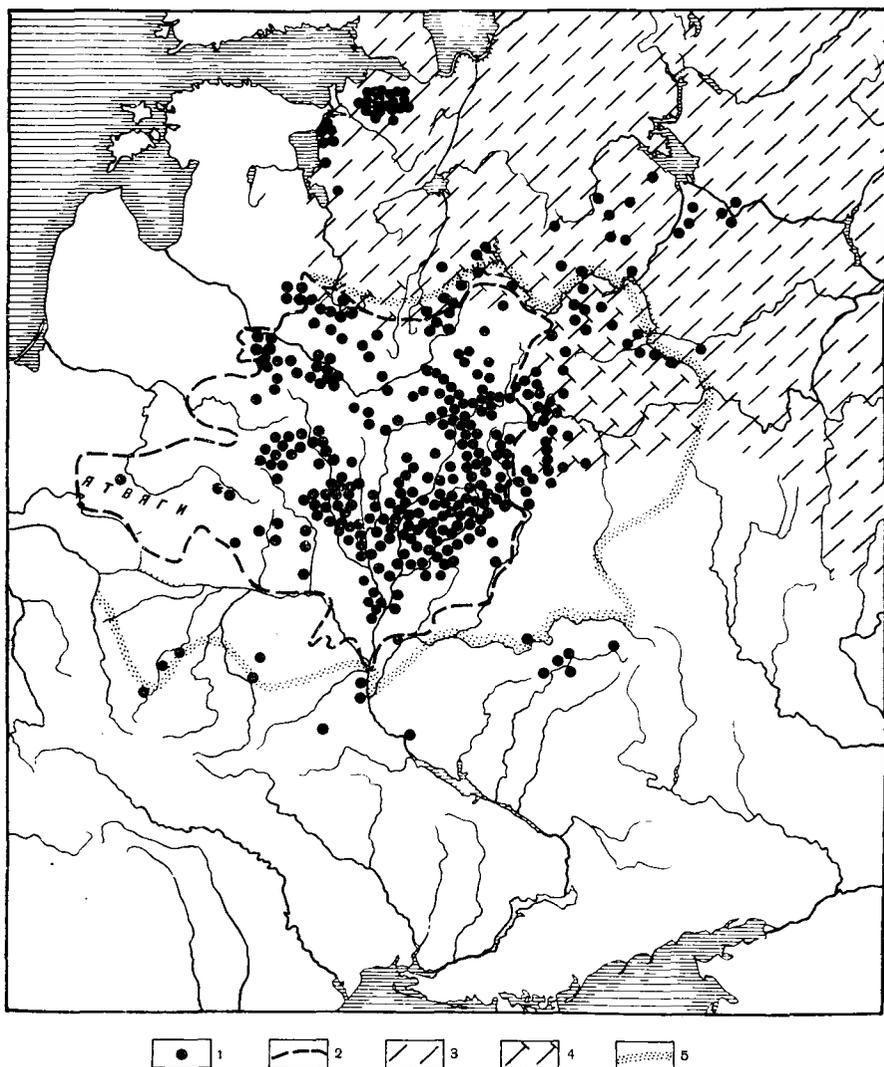

Рис. 2. Балтские элементы в древнерусских курганах

1 — курганные могильники с находками предметов балтского происхождения; 2 — граница белорусской этнолингвистической территории (по Е. Ф. Карскому); 3 — ареал финно-угорской гидронимии в пределах Древней Руси; 4 — область балтского гидронимического напластования на древней финноугорский слой; 5 — граница ареала балтской гидронимии

К ним прежде всего относится головной убор, состоящий из нескольких рядов спиральных пронизок, разделенных пластинами-бляшками (латгальские вайнаги). Это украшение является весьма характерным для некоторых раннесредневековых балтских племен¹⁹. Имеются достаточные основания полагать, что аналогичный головной убор в дославянское время бытовал на восточной окраине балтского мира, т. е. в

¹⁹ A. Zarina, *Latgalu vainagi laika no 6. līdz 13. gadsimtam*, «Arheologija un etnografija», II, Rīgā, 1960, стр. 79—94; R. Volkaite-Kulikauskienė, *Senovės lietuvių moterų galvos danga ir jos papuošalai*, «Iš lietuvių kultūros istorijos», II, Vilnius, 1959, стр. 46—48.

Верхнем Поднепровье, в бассейне Западной Двины и даже на верхней Оке. В пользу такого предположения, помимо обнаруженных остатков вайнаги в длинных курганах кривичей, свидетельствуют находка на Моштинском городище²⁰ и распространенность подобных украшений в могильниках Рязанского Поочья и в средневековых мордовских погребениях, куда они были занесены, по всей вероятности, балтами-пришельцами²¹. В древнерусских курганных могильниках IX—XIII вв. вайнаги встречаются на Смоленщине и Полоцко-Витебском Подвинье (Дымово, Арефино, Слобода, Стерж, Торопец, Остенец, Федотково, Такелево, Чилипино, Овсиновка).

Широкая распространенность украшений со змеиноголовыми концами в Прибалтике связана с бытованием у балтских племен культа змеи²². В древнерусских курганах браслеты со змеиными головками на концах имеют строго ограниченный ареал. Основная часть их происходит из Верхнего Поднепровья, Подвинья и Понеманья, т. е. той части Восточной Европы, где до прихода славян жили балты. Вне древнего балтского ареала змееголовые браслеты найдены лишь в районах древнерусской территории, колонизованных днепро-двинскими кривичами. Очевидно, такие браслеты получили распространение только в тех древнерусских землях, где славяне соприкасались с балтским населением.

Теми же районами ограничено распространение в древнерусских курганах и спиральных браслетов. Широкое бытование последних в прибалтийских памятниках общеизвестно. В восточнославянских курганах спиральные браслеты сравнительно немногочисленны и встречены исключительно в тех местах, где славяне соприкасались с балтским населением. Таковы области Верхнего Поднепровья и Белоруссии, а также северо-западные районы Новгородской земли, балтский элемент в колонизации которых очевиден.

К балтской по происхождению детали восточнославянского костюма нужно отнести также подковообразные застежки. Подковообразные застежки самых разнообразных типов принадлежат к числу излюбленных украшений балтских племен, начиная с эпохи раннего железа. В отдельных местностях Прибалтики они дожили до XIX в. Правда, эти украшения не являются исключительно балтскими и известны у некоторых других восточноевропейских племен и народов. Однако для восточнославянского костюма подковообразные застежки не характерны. В курганах волынян, древлян, полян, северян, вятичей такие предметы почти не встречаются. Зато подковообразные застежки обычны в курганах смоленско-полоцких кривичей, радимичей и дреговичей, т. е. на землях, прежде занятых балтоязычным населением²³. Подковообразные пряжки неоднократно встречены в памятниках верхнеднепровских и

²⁰ Н. И. Булычев, Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра, М., 1899, рис. XII, 10. Исследователь описал эту находку, как остатки пояса с бронзовыми накладками (стр. 19). Ошибку исправил уже А. А. Спицын (А. А. Спицын, Предметы с выемчатой эмалью, «Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества», т. V, вып. I, СПб., 1903, стр. 178, рис. 243).

²¹ В. В. Седов, Рязанско-Окские могильники, «Сов. археология», 1966, № 4.

²² Ф. Д. Гуревич, Украшения со звериными головами из прибалтийских могильников. К вопросу о культе змеи в Прибалтике, «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры», вып. XV, 1947, стр. 68—76; Э. Д. Шнооре, Асотское городище Рига, 1961, стр. 32.

²³ Аналогичные предметы найдены также в тех областях Древней Руси, в колонизации которых приняли участие выходцы из Верхнего Поднепровья и Подвинья. В частности подковообразные застежки довольно часты в курганах северо-западной части Новгородской земли.

верхневолжских балтов I тысячелетия н. э.²⁴ Это дает основание полагать, что подковообразные застежки, составляющие локальную особенность верхнеднепровско-двинско-понеманской части восточного славянства, являются местной балтской традицией.

К числу бесспорных балтских традиций в древнерусской курганной коллекции принадлежат также шейные гривны с заходящими концами, завершающимися розеткообразными бляшками. Их балтские аналогии уже отмечались в археологической литературе²⁵. В древнерусских курганах такие гривны встречены на территории, прежде занятой балтскими племенами²⁶.

Звездообразные пряжки были широко распространены в древности у литовско-латышских племен²⁷. На древнерусской территории они опять-таки строго ограничены районами, прежде занятыми балтским населением. Звездообразные пряжки встречены в районе себежских озер, в бассейне Западной Двины и в Верхнем Поднепровье. Днепровско-двинские пряжки не идентичны латгальским. Треугольные лучи первых обычно завершаются шарообразными головками, а концы лучевых выступов литовско-латышских находок имеют плоские закругления. Таким образом, всякое предположение об импорте звездообразных пряжек из Прибалтики исключается.

Еще одной локальной особенностью белорусской этнолингвистической территории являются курганы с труположениями на кострищах. Последние плотной массой сосредоточены в области расселения смоленско-полоцких кривичей, дреговичей и радимичей, т. е. на землях, прежде занятых балтским населением. Очень возможно, что эта деталь древнерусского погребального ритуала является реликтом погребальной обрядности дославянского населения Верхнего Поднепровья и Полоцко-Витебского Подвинья. Во всяком случае, в тех древнерусских областях, где славяне не соприкасались с балтами, эта особенность погребальной обрядности почти не встречается. Граница сплошного распространения древнерусских курганов XI—XII вв. с остатками кострищ под погребениями нигде не выходит за пределы ареала балтской гидронимии. Правда, в погребениях верхнеднепровских балтов I тысячелетия н. э. аналогичной детали погребального ритуала не прослеживается. Зато остатки подобных ритуальных кострищ обычны в основаниях восточнолитовских курганов второй половины I тысячелетия н. э.²⁸

Сопоставление ареала перечисленных элементов древнерусских курганов с этнолингвистической картой белорусов выявляет их значительное совпадение. Таким образом, своеобразие той части восточнославянских земель, где позднее сформировалась белорусская этническая общность, заключается в значительном присутствии балтских элементов. На основе сопоставления этнографической карты белорусов с картами археологической и гидронимической можно утверждать, что в формировании белорусов бесспорная роль принадлежит балтскому этническому субстрату.

²⁴ П. Н. Третьяков, К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. МИА, 5, 1941, стр. 66, рис. 37, 12; П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт, Древние городища Смоленщины, М.—Л., 1963, рис. 4 и 22, 11.

²⁵ Б. А. Рыбакоў, Радзімічы, «Працы сэкцыі археолёгіі Беларускай акадэміі навук», III, Менск, 1932, стр. 91.

²⁶ В шести пунктах в области расселения радимичей, один раз — на территории смоленских кривичей, дважды — в северянской земле и один раз — в Западном Подмоськовье.

²⁷ Э. С. Мугуревич, Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв., Рига, 1965, стр. 90.

²⁸ Ф. В. Покровский, К исследованию курганов и городищ на восточной окраине современной Литвы, «Труды IX Археологического съезда», т. II, М., 1897, стр. 138—196.

Еще одна интересная особенность древнерусской погребальной обрядности должна быть отнесена к балтскому ритуалу. Древнерусскими курганным трупоположениям, ориентированным к востоку, мною посвящена специальная работа²⁹, суть и выводы которой, сохраняющие силу и в настоящее время, заключаются в следующем.

1. Абсолютное большинство курганных захоронений на древнерусской территории (свыше 95%) ориентировано головой на запад (включая северо-запад и юго-запад), что характерно для всех восточнославянских племен и восходит к дохристианской эпохе.

2. Древнерусские курганные трупоположения, ориентированные к востоку, сконцентрированы главным образом в той части Восточной Европы, где до расселения славян жили балты. Учитывая распространенность такого обычая у некоторых летго-литовских племен, закономерно предположение о появлении этого ритуала в древнерусских курганах под воздействием местной балтской традиции.

3. Это предположение подтверждается анализом вещевых инвентарей (в мужских захоронениях, ориентированных к востоку, сравнительно часто встречаются украшения и оружие, реже — глиняные сосуды)³⁰.

4. Весьма существенным аргументом в пользу разноэтничного происхождения древнерусских курганных погребений с западной и восточной ориентировкой являются палеоантропологические материалы, обнаруживающие различное строение черепов тех и других скелетов.

5. В восточной ориентировке погребенных в древнерусских курганах следует видеть наследие погребального ритуала ассимилированных балтов. В этих курганах погребены главным образом славянизированные балты.

Карта древнерусских курганных могильников с погребенными головой к востоку (рис. 3) опять-таки подчеркивает активное участие балтского населения в формировании той части восточного славянства, на основе которого в XIII—XIV вв. происходило сложение белорусов.

О значительном участии местных балтских племен в формировании раннесредневекового славянского населения Верхнего Поднепровья и современной Белоруссии можно судить и по данным палеоантропологии. Антропологическая карта Восточной Европы X—XIV вв. оказалась отличной от синхронной археологической карты. Предпринятые исследователями попытки найти антропологическое выражение племенной дифференциации восточного славянства, детально разработанной археологами, оказались безуспешными. Зато при сопоставлении средневековой антропологической карты Восточной Европы с археологическими картами предшествующего времени и с гидронимической картой, отражающей этногеографию дославянской эпохи лесной полосы Восточной Европы, выявилось их значительное соответствие (рис. 4)³¹. По-видимому

²⁹ В. В. Седов, Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах Древней Руси, «Сов. археология», 1961, № 2, стр. 103—121.

³⁰ Против этого тезиса выступила Г. Ф. Соловьева (К вопросу о восточной ориентировке погребенных в славянских курганах XI—XIII вв. «Сов. археология», 1963, № 2).

³¹ Карта составлена по данным, опубликованным Г. Ф. Дебецем (Г. Д э б е ц, Ча рапы Люцынскага магільніку і старажытных славян Беларусі і месца апошніх ў па леоантропалогіі усходняй Эўропы. «Працы секцыі археалогіі Беларускай Акадэміі На вуц», III, Менск, 1932, стр. 69—80; Г. Ф. Д е б е ц, Палеоантропология СССР, М.—Л. 1948), Т. А. Трофимовой (Т. А. Т р о ф и м о в а, Кривичи, вятичи и славянские племена Поднепровья по данным антропологии, «Сов. этнография», 1946, № 1, стр. 91—136), Т. И. Алексеевой (Т. И. А л е к с е е в а, Антропологическая характеристика славянских племен бассейнов Днепра и Оки в эпоху средневековья, «Вопросы антропологии», вып. 1, М., 1960, стр. 97—101; е е же, Краниология средневекового населения верховья бассейнов Волги и Днепра, там же, вып. 8, М., 1961, стр. 140—143) и М. С. Великановой. (М. С. В е л и к а н о в а, К антропологии средневековых славян Прутского Днепровского междуречья, «Сов. этнография», 1964, № 6, стр. 37—53).

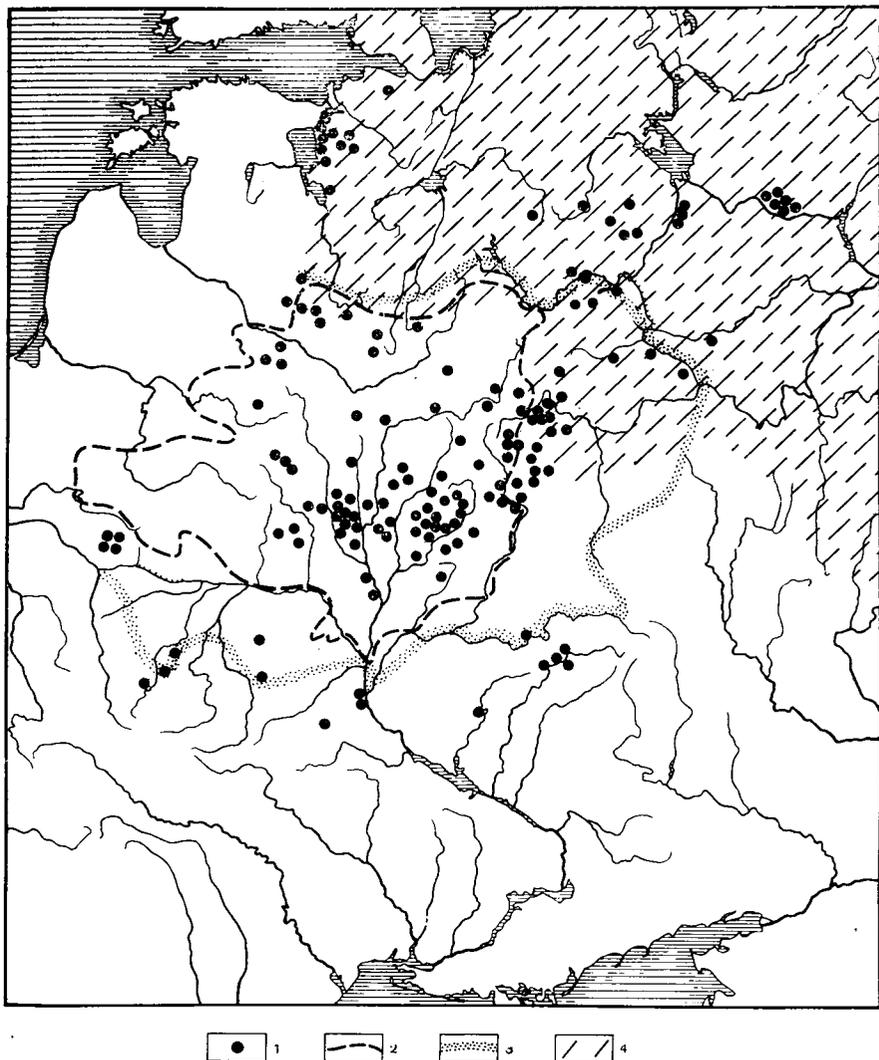

Рис. 3. Древнерусские курганные могильники с восточной ориентировкой погребенных

1 — курганные могильники с труположениями, обращенными головой к востоку; 2 — граница белорусской этнолингвистической территории; 3 — граница ареала балтской гидронимии; 4 — ареал финно-угорской гидронимии

славянское расселение в лесной полосе Восточной Европы не внесло существенных изменений в антропологическую карту этой земли. Славянское проникновение в среду балтских и финноязычных племен носило мирный характер и не вызывало отступления аборигенов.

Черепки из курганов бассейнов верхних течений Днепра, Западной Двины и Немана, т. е. той территории, где происходило формирование белорусской этнолингвистической общности, принадлежат к долихокранному среднелицею антропологическому типу³².

³² Отмеченные в моей статье «Славянские курганные черепки Верхнего Поднепровья» («Сов. этнография», 1954, № 3, стр. 12—18) относительно широколицые серии курганных черепов Белоруссии входят в состав этого антропологического типа, являясь вариантом его.

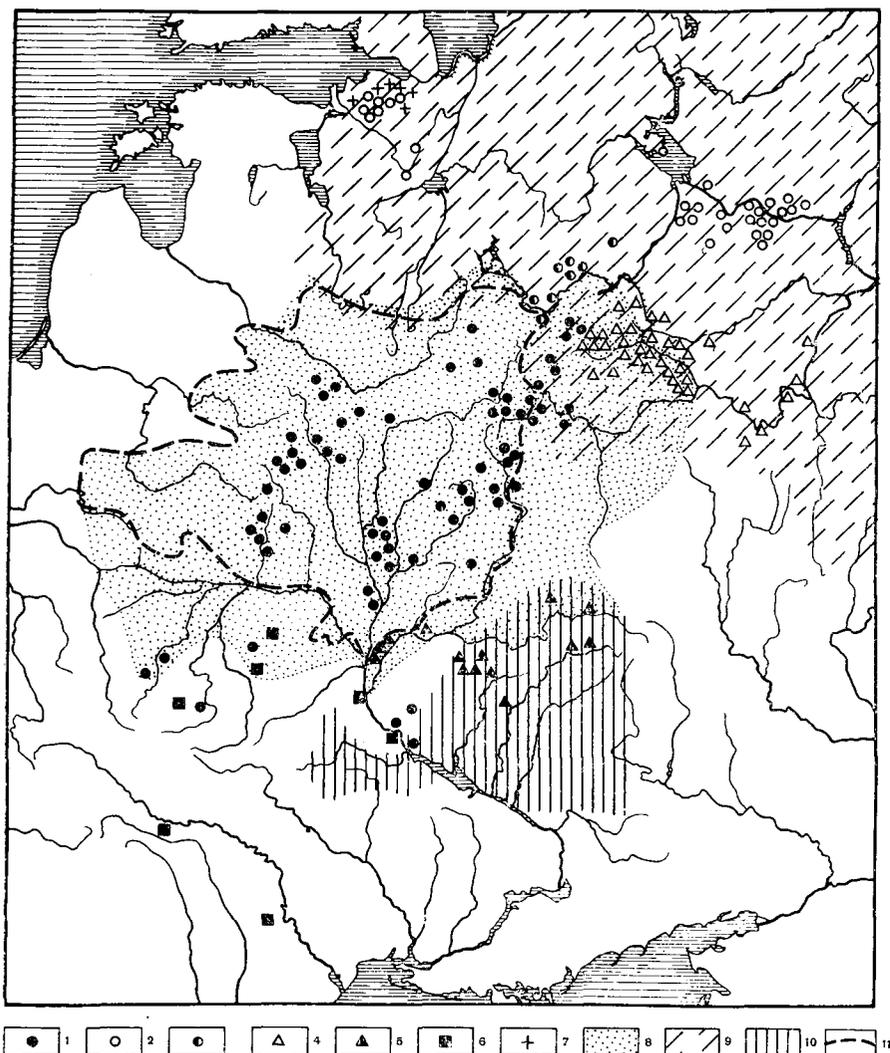

Рис. 4. Антропологические типы восточного славянства в X—XIII вв.
 1 — долихокранный среднеликий антропологический тип; 2 — суббрахикранный среднеликий тип; 3 — серии черепов, занимающие среднее положение между первым и вторым типами; 4 — долихокранный узколикий тип; 5 — мезокранный среднеликий тип; 6 — мезокранный относительно широколикий тип; 7 — суббрахикранный относительно широколикий с небольшой монголоидной примесью; 8 — ареал балтской гидронимии; 9 — ареал финно-угорской гидронимии; 10 — ареал иранской гидронимии в днепроградской лесостепи; 11 — граница белорусской этнолингвистической территории

В эпоху раннего средневековья распространение этого антропологического типа в деталях совпадает с ареалом древних балтских племен, установленным по данным гидронимии и археологии. Сопоставление краниологических данных верхнеднепровских и верхнедвинских славян с антропологическими материалами смежных этнических групп обнаруживает их ближайшее сходство с некоторыми группами раннесредневе-

ковых балтов³³. В связи с этим закономерно предположение о формировании длинноголового среднелицевого антропологического типа территории Белоруссии и Верхнего Поднепровья на основе балтского субстрата. Ведь этот антропологический тип образовался исключительно в тех областях Восточной Европы, где до прихода славян жили балты и где по археологическим материалам обнаруживается участие балтского субстрата в формировании раннесредневекового славянства.

К такому же выводу склоняет и анализ антропологических данных современного населения Восточной Европы (рис. 5). Исследователями уже отмечено значительное соответствие антропологической карты Восточной Европы раннего средневековья с современной антропологической картой³⁴. Валдайско-верхнеднепровский антропологический комплекс, к которому принадлежат белорусы, русское население Верхнего Поднепровья и восточные литовцы, сформировался, по всей вероятности, на основе долихокранного среднелицевого антропологического типа раннего средневековья, ареалы которых совпадают. При определении места валдайско-верхнеднепровского антропологического комплекса обнаруживается его значительное сходство с прибалтийским, локализуемым на восточном побережье Балтийского моря (т. е. в области расселения древних пруссов, на территории Литвы, Латвии и Эстонии).

Таким образом, антропология вслед за археологией дает основание считать, что славянское население Верхнего Поднепровья и территории Белоруссии сложилось в значительной степени за счет ассимиляции местных балтов. Никаким другим обстоятельством сложение средневекового долихокранного среднелицевого антропологического типа и современного валдайско-верхнеднепровского комплекса исключительно в пределах древнего балтского региона объяснить невозможно.

Этнография обнаруживает значительное число общих черт, свойственных как белорусам, так и современным балтским народностям. Какая-то часть их объясняется взаимными культурными влияниями этих народов, соседствующих на протяжении многих столетий. Другая часть белорусско-балтских этнографических особенностей не может быть объяснена маргинальным контактом, к тому же она восходит к весьма отдаленной древности.

К числу последних относится культовое почитание змей, весьма характерное для всех балтских племен, а из восточнославянских народностей распространенное только на белорусской этнолингвистической территории. Культ змеи у балтов уходит в глубокую древность и связан с их языческими верованиями. Средневековые историки сообщают о распространенности поклонения змеям среди прусских племен. Т. Нарбут приводит свидетельство Иеронима Пражского о широком бытовании этого культа в языческой Литве³⁵. Следы его в отдельных местах Литвы дожили до XX в. В славянской языческой мифологии культ змеи неизвестен. Между тем среди славянского населения Верхнего Поднепровья и Белоруссии, т. е. на всем пространстве расселения восточных балтов,

³³ Г. Дэбец, Чарапы Люцынскага магільніку і старажытных славян Беларусі і месца апошніх ў палеоантропалёгіі ўсходняй Эўропы, стр. 69—80; «Нукшинский могильник», Рига, 1957, стр. 54, табл. 2; «Происхождение и этническая история русского народа по антропологическим данным», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 88, 1965, стр. 252.

³⁴ Т. И. Алексеева, Антропологические материалы к этногенезу восточных славян, «Сов. археология», 1964, № 3, стр. 88—98.

³⁵ В. Н. Перцев, Указ. раб., стр. 333—343.

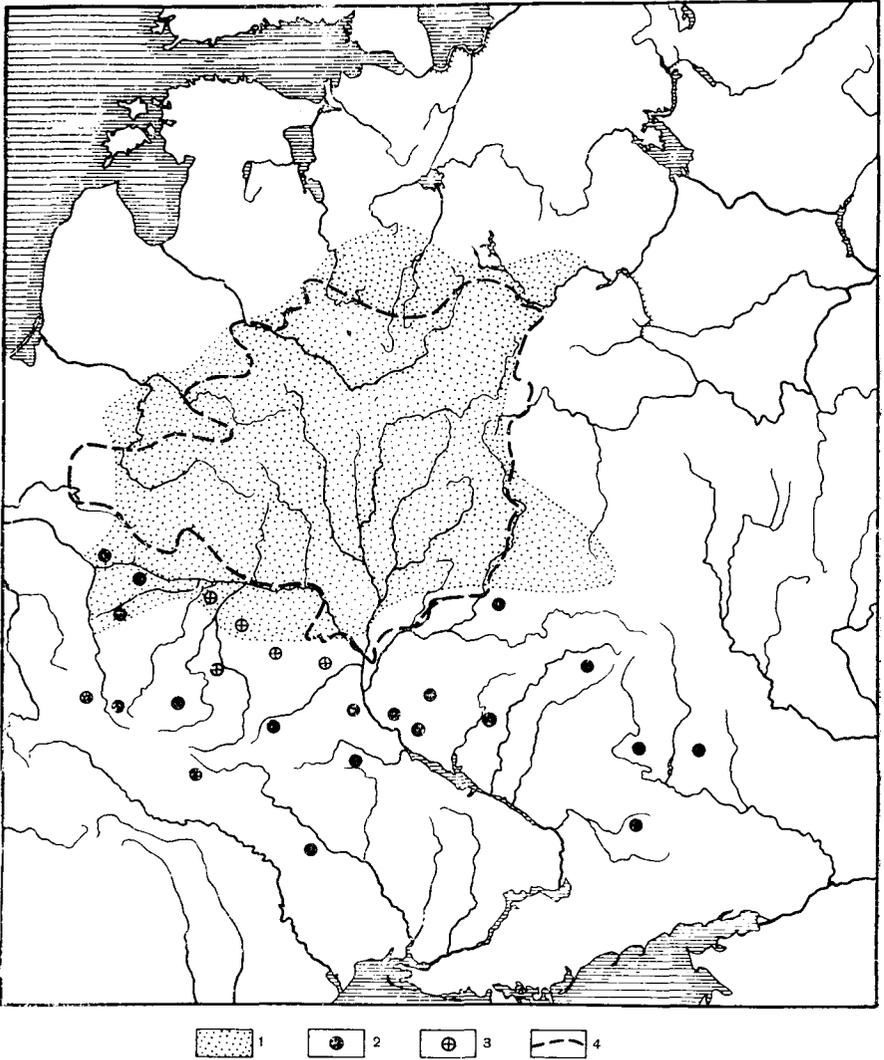

Рис. 5. Валдайско-верхнеднепровский антропологический тип и белорусская территория
 1 — валдайско-верхнеднепровский антропологический комплекс (по Т. И. Алексеевой); 2 — центральноукраинский антропологический тип (по В. Д. Дяченко); 3 — полесский антропологический тип (по В. Д. Дяченко); 4 — граница белорусской этнолингвистической территории

исследователями зафиксированы беспорные отголоски змеиного культа, аналогичного тому, что был распространен у литовцев³⁶.

Культе камня в Белоруссии³⁷ восходит к древнейшей эпохе и связан с балтскими языческими представлениями. Аналогичное культовое по

³⁶ Н. И. Костомаров, Русские инородцы. Литовское племя и отношение его к русской истории, «Русское слово», 1860, V, стр. 20; Е. Н. Клетнова, Остатки змеиного культа в пределах Смоленской губернии, «Научные известия Смоленского университета», т. II, Смоленск, 1924, стр. 149—159.

³⁷ М. Мялешка, Камень у вераньях і паданьях беларуса, «Запіскі аддзела гуманітарных навук Беларускай Акадэміі Навук», кн. 4, Менск, 1928, стр. 155—182.

клонение камням общеизвестно также в Литве и Латвии³⁸. Культовое почитание камня в разных видах сохранилось в белорусской земле и в славянское время, его отголоски дожили там до XIX в. Культ камня у белорусов является субстратным элементом, так как подобный ритуал почти не известен в землях других славян.

Среди общих балто-славянских элементов одежды³⁹ многие распространены исключительно в Белоруссии и Верхнем Поднепровье, т. е. в пределах балтского гидронимического ареала. «Белорусский» тип лаптей в недавнем прошлом был распространен на всей белорусской этнолингвистической территории, а также у восточных литовцев и латышей. Предположение о позднем происхождении обуви в этом регионе, учитывая сырое лето и суровую зиму, кажется невероятным. Неприемлема догадка и о славянском происхождении «белорусского» типа лаптей, ибо такие лапти не известны ни в тех местах, откуда пришли славяне в области Верхнего Поднепровья, Подвинья и Понеманья, ни в других районах, колонизованных теми же славянскими племенами. Остается допустить, что этот тип лаптей бытовал на территории современных белорусов, литовцев и латышей еще в глубокой древности, когда эта область была занята восточнобалтскими племенами, от которых он перешел к белорусам, восточным литовцам и латышам.

Допустимо предположение о субстратном происхождении в славянской среде женской поясной несшитой одежды из клетчатой ткани, которую носили недавно и белорусы и литовцы, а также головного убора, называемого у белорусов «наметкой» (восточнолитовская «*puometas*», латгальская «*numets*»). В восточнославянских областях эти типы женской одежды строго ограничены древним балтским ареалом.

Общие элементы выявляются и при изучении белорусских и литовско-латышских построек. Многие из них восходят к глубокой древности и не могут быть отнесены к элементам культурного воздействия славян на балтов или обратному влиянию. Такова столбовая техника возведения стен, применяемая в Верхнем Поднепровье, Подвинье и Понеманье в строительстве хозяйственных построек (скотных дворов, гумен, различных пристроек к срубам, в том числе сеней)⁴⁰. Такая строительная техника здесь бесспорно восходит к домостроительству древних балтских племен, известному по их поселениям раннего железного века. В лесной полосе восточнославянской территории распространение столбовой конструкции ограничено главным образом древним балтским ареалом. Интересно, что у белорусов этот способ носит название «с шулой» (из белорусского «шула» — «столб», лит. «*šúlas*» — то же). В белорусском крестьянском строительстве известно еще несколько терминов балтского происхождения: седзіба — «усадыба» (лит. *sodýba* — то же), свирон — «амбар» (лит. *svirnas* — то же).

Кажется, что при специальном анализе число субстратных элементов в белорусской этнографии может оказаться весьма значительным.

Таким образом, материалы археологии, антропологии и этнографии устанавливают участие балтского этнического субстрата в формировании той части восточного славянства, на основе которой в XIII—XIV вв.

³⁸ P. Tarasenko, *Pédos akmenyje*, Vilnius, 1958; J. Graudonis, V. Urtāns, *Senatnes pedās*, Rīgā, 1960, стр. 139—144.

³⁹ Г. С. Маслова, Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в., «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XXXI, 1956, стр. 752.

⁴⁰ Б. Э. Бломквист, Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные постройки), «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XXXI, 1956, стр. 84.

сложилась белорусская этнолингвистическая единица. Балтский этнический субстрат выявляется здесь вполне отчетливо. А картография субстратных элементов позволяет заключить, что белорусская этнолингвистическая общность сформировалась исключительно в той части древнего балтского ареала, где местное население в процессе славянского расселения оставалось на своих местах. Исключением являются западные районы Волго-Окского междуречья. Но здесь балты не были исконными жителями. Эта земля долгое время принадлежала финно-уграм и расселившиеся здесь в I тысячелетии н. э. балты, видимо, оказались под влиянием финно-угорского субстрата⁴¹.

Балтский этнический субстрат в формировании славянского населения западнорусских земель предполагает субстрат языковый. Среди славистов долгое время господствовало мнение, что в истории славянских языков и диалектов субстрат не играл какой-либо роли. Поэтому этот вопрос не привлекал внимания языковедов. В настоящее время можно утверждать, что, как и в других индоевропейских языках, воздействие субстрата было достаточно существенным и при формировании некоторых славянских языков. Так, не подлежит сомнению, что важнейшие особенности южнославянских языков сформировались на общей основе балканского субстрата⁴². В истории польского языка существенна роль балтского субстрата⁴³. Некоторые фонетические особенности северновеликорусских говоров, по мнению некоторых исследователей, своим возникновением обязаны финно-угорскому субстрату⁴⁴. Имеются данные и для предположения о формировании белорусского языка под воздействием балтского языкового субстрата.

Уже Е. Ф. Карский обратил внимание на эффективное балтское влияние на белорусский язык⁴⁵. Отметив большое число балтских слов в белорусском языке, исследователь, полагавший, что при славянском расселении имело место отступление балтского этнического элемента, отнес их к заимствованиям. По мнению Е. Ф. Карского, помимо словарных заимствований в белорусском языке имеются и морфологические заимствования у балтов (такие образования, как «нудосно», «дзивосы»). В. Вондрак убедительно показал, что восточнославянские суффиксы *-осн-*, *-ос-*, *ас-*, имеют балтское начало⁴⁶. Польский лингвист Я. Розвадовский высказал предположение о балтском субстратном происхождении белорусских полифтонгов (из лит. *ė*, *ū*)⁴⁷. Анализ слов, заимствованных в белорусском из литовского языка, произведенный К. Бугой⁴⁸, говорит о том же, что делает предположение Я. Розвадовского весьма обоснованным.

⁴¹ В. В. Седов, Из гидронимии Волго-Окского междуречья, «Питання ономастики», Київ, 1965, стр. 284—290.

⁴² С. Б. Бернштейн, Очерк сравнительной грамматики славянских языков, стр. 13, 15 и 24.

⁴³ J. Otrębski, Udział jaćwingów ukształtowaniu języka polskiego, «Acta balticoslavica», I, Białystok, 1964, стр. 207—216.

⁴⁴ А. Врачу, К вопросу о роли субстрата в истории славянских языков, «Romanoslavica», IX, București, 1963, стр. 70—75.

⁴⁵ Е. Ф. Карский, К вопросу о влиянии литовского и латышского языков на белорусское наречие, «Русский филологический вестник», т. XLIX, 1903, стр. 1—23; е го же, Белорусы, т. I, стр. 125—137.

⁴⁶ W. Vondrak, Vergleichende slavische Grammatik, I, Göttingen, 1924, стр. 637, 638.

⁴⁷ J. Rozwadowski, Uwagi o dyftongach *ie*, *uo* w południowozachodnim narzeczu białoruskim, «Materjały i prace Komisji językowej Akademii umiejętności», I, 1904, стр. 220.

⁴⁸ К. Буга, Die litauisch-weißrussischen Beziehungen und ihr Alter, «Zeitschrift für slavische Philologie», I, 1925, стр. 26—55.

Я. Станкевич видит балтское субстратное влияние в формах «*miŋha-si*» ругас» и приводит большую группу слов, появившуюся в белорусском языке, как результат балтского субстрата⁴⁹. Ю. Шерех полагает, что аканье является следствием воздействия балтского языкового субстрата на часть славянского населения⁵⁰.

Вопрос о происхождении аканья в восточнославянских языках еще не решен в лингвистической литературе. Современные теории происхождения этого вокализма исходят из идеи спонтанного либо субстратного возникновения⁵¹. Как бы ни было, остается несомненным, что аканье зародилось в конце XII или в XIII в., где-то на юго-востоке восточнославянского ареала и оттуда распространилось на север и северо-запад, охватив все белорусские земли⁵². Распространение аканья не связано с крупными миграциями населения, поэтому должно быть обусловлено внутренними причинами. В области формирования белорусского языка такой причиной скорее всего было балтское субстратное воздействие. Ведь влияние субстрата не сводится к механической форме воздействия одного языка на другой. Субстрат мог вызывать, ускорять или усиливать внутренние тенденции развития, характерные для данного языка. В этой связи нельзя не обратить внимания на полное совпадение западной части ареала аканья с областью расселения древних балтских племен. Более того, двум типам аканья белорусского языка соответствуют два древних племенных массива балтов. Ареал сильного аканья южно-белорусского типа соответствует области расселения днепро-неманской группы балтов (культура штрихованной керамики), а диссимилятивное аканье белорусского типа развилось на территории близких между собой днепро-двинской и юхновской археологических культур.

Исследователи белорусского языка убедительно показали, что самая характерная особенность белорусского консонантизма — дзеканье и цеканье — развилась вполне самостоятельно, как результат сильного смягчения *д* и *т*⁵³. Вместе с тем причины развития дзеканья и цеканья в восточнославянских землях нуждаются в выяснении.

Два обстоятельства позволяют высказать догадку о происхождении этой фонетической особенности из взаимодействия славянского языка с балтским языковым субстратом. Дзеканье и цеканье развилось только у той части восточнославянского населения, которая расселилась на территории балтоязычных племен и ассимилировала последних. Кроме того, произношение мягких *д* и *т*, как *дз* и *ц* отмечено в некоторых пунктах Псковской области, куда балты бесспорно заходили, и в отдельных селениях Волго-Окского междуречья⁵⁴, колонизованных из районов

⁴⁹ J. Stankevič. Karotki načyrk historji Kryvič — Belarusi, Veda, 1951, стр. 112.

⁵⁰ Y. Šerch, Problems in the Formation of Belorussian, «Supplement to Word», vol. 9, New York, 1953, стр. 85—88.

⁵¹ В. И. Георгиев, Русское аканье и его отношение к системе фонем праславянского языка, «Вопросы языкознания», 1963, № 2, стр. 20—29; В. Г. Руделев, К фонетической интерпретации русского аканья, там же, стр. 30—38; П. С. Кузнецов, К вопросу о происхождении аканья, там же, 1964, № 1, стр. 30—43; В. В. Колесов, О некоторых особенностях фонологической модели, развивающей аканье, там же, 1964, № 4, стр. 66—79; Я. Риглер, К проблеме аканья, там же, 1964, № 5, стр. 36—45; Б. И. Лыткин, Еще к вопросу о происхождении русского аканья, там же, 1965, № 4, стр. 44—52.

⁵² В. И. Борковский, П. С. Кузнецов, Историческая грамматика русского языка, М., 1963, стр. 142.

⁵³ П. А. Расторгуев, К вопросу о ляхских чертах в белорусской фонетике, «Труды Постоянной комиссии по диалектологии русского языка», вып. 9, Л., 1927, стр. 35—48; О. В. Воўк-Левановіч, Лекцыі па гісторыі беларускае мовы, Менск, 1927, стр. 257—276.

⁵⁴ Сводка данных о распространении этой фонетической особенности вне белорусской территории сделана А. А. Шахматовым («Древние ляхские поселения в России», «Славянство», 1911, № 4—6, стр. 9—29).

Верхнего Поднепровья кривичами, в составе которых были славянизированные балты и могли быть группы балтоязычного населения⁵⁵. Вторым обстоятельством в пользу предположения о субстратном происхождении дзеканья и цеканья в белорусском языке является присутствие аналогичной фонетической особенности в польском языке. А в формировании последнего роль балтского субстрата бесспорна и существенна. Таким образом, рассматриваемая фонетическая особенность развилась только в тех славянских землях, которые формировались на балтской территории. Интересно, что аналогичная черта, известная в некоторых говорах литовского языка (так называемое дзуканье), не является заимствованием из белорусского⁵⁶, а, видимо, также принадлежит к продукту межъязыкового взаимодействия.

Другая фонетическая особенность белорусского языка — твердое *p*, по всей вероятности, также есть результат субстратного воздействия. «В восточнославянской фонетической системе, — подчеркивает Т. П. Ломтев, — наиболее неустойчивым элементом являются мягкие согласные. Всякий раз, когда восточнославянским языкам приходилось испытывать воздействие со стороны иноязычной среды, наиболее сильному изменению подвергались именно мягкие согласные»⁵⁷. Не исключено, что отвердение *p* на польской языковой территории находится также в зависимости от прусско-явтяжского субстрата.

Итак, изучение этнической истории и некоторые языковые данные позволяют говорить о влиянии балтского субстрата на формирование белорусской этнолингвистической общности. Налицо все четыре признака (балтская гидронимика, появление в белорусском языке ряда специфических фонетических и морфологических особенностей, отсутствующих в других восточнославянских языках, балтские заимствования в словарном фонде белорусского языка), при наличии которых, по мнению Б. А. Серебренникова, вывод о воздействии субстрата получает более или менее прочное обоснование⁵⁸.

Судя по археологическим данным, славянизация балтского населения на территории, где позднее распространилась белорусская речь, продолжалась от VII—VIII до XIII столетия. К. Буга, исходя из лингвистических соображений, определял начало славянского осеяния балтской территории VII в.⁵⁹ Завершение же ассимиляции балтов исследователи верхнеднепровской топонимии относят к первым векам II тысячелетия н. э.⁶⁰ Здесь археологическая датировка полностью совпадает с датой лингвистической. По времени завершающая стадия славянизации днепровско-двинских балтов непосредственно предшествует начальному периоду формирования белорусского языка. Некоторые весьма характерные фонетические особенности белорусского языка появляются в памятниках письменности несколько позже, только в XIV—XV вв. Но

⁵⁵ В ряде мест междуречья Волги и Оки появление дзеканья и цеканья, вероятно, связано с выходцами из Литовского государства и белорусскими пленниками XVII в. (Д. К. Зеленин, Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением заднебных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации, СПб., 1913, стр. 492—497).

⁵⁶ В. Гринавецкис, Новое в литовской диалектологии, «Acta baltico-slavica», 11, Białystok, 1965, стр. 199, 200.

⁵⁷ «Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР», т. IX, М., 1965, стр. 146, 147.

⁵⁸ Б. А. Серебренников, О взаимодействии языков (Проблема субстрата), «Вопросы языкознания», 1955, № 1, стр. 22.

⁵⁹ К. B u g a, Die Vorgeschichte der aistischen (baltischen) Stämme im Lichte der Ortsnamenforschung, стр. 23.

⁶⁰ В. Н. Топооров, О. Н. Трубачев, Указ. раб., стр. 173.

последний факт может быть объяснен, во-первых, тем, что некоторые фонетические особенности (например, дзеканье и цеканье) попали в белорусскую письменность позднее, чем развились в народной речи⁶¹. С другой стороны, лингвисты давно обратили внимание на то, что воздействие субстрата может проявляться в победившем языке не сразу, а через длительный период времени⁶².

Включение западнорусских земель в состав Литовского государства и признание белорусского языка в качестве официального языка этого государства оказали, бесспорно, какое-то влияние на выделение днепродвинско-неманского славянства в отдельную этнографическую единицу. Однако политическое и экономическое обособление западнорусских земель не было первопричиной образования белорусского языка и народности.

SUMMARY

The theses of E. F. Karsky about the formation of Byelorussians in the connection with the inclusion of Western Russian territories into the Lithuanian state, though widely spread in the scientific literature, cannot be proved neither from linguistic nor from historical-geographic points of view. The opinions of A. A. Shakhmatov and V. I. Picheta cannot be accepted either.

The study of materials from ancient Russian burial mounds of 8th—13th centuries reveals in the area of formation of the Byelorussian language a considerable bulk of Baltic elements, especially in the sets of ornaments and details of burial rites. A considerable stratum of a Baltic hydronymy here taken into consideration, this enables us to suppose, that the Byelorussian ethnic entity has formed exclusively in those parts of the ancient Baltic area, where the aboriginal population in the course of the settlement of Slavs did not leave the places in inhabited and was thus assimilated. A Baltic ethnic substratum is also revealed by the data of anthropology and ethnography. The elements of a Baltic substratum influence are present also in the Byelorussian linguistic material. All these data favour the opinion, that the Byelorussian people and language have developed under the conditions of a Baltic substratum influence upon a part of Eastern Slavs.

⁶¹ О. В. Воўк-Левановіч, Указ. раб., стр. 265—273.

⁶² «Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР», т. IX, М., 1956, стр. 133, 134.